

Ю. РЫБАКОВ

ЭХО ПРЕМЬЕРЫ

Дон Кихот из СМУ

МХАТ: Деятов — Е. Евстигнеев, Шиндин — А. Калугин

ЧТО НИ ГОВОРИ и сколько ни считай по названиям, а производственный тема в театре все-таки редкость, если брать по высокому счету и учитывать те пьесы и спектакли, где социальная реальность передана с гражданской болью и художественным мастерством.

Такова новая пьеса «Мы, нижеподписавшиеся» А. Гельмана, автора «Премии и «Обратной связи». О достоинствах пьесы свидетельствует уже тот факт, что два уважаемых московских театра — Художественный и Театр сатиры выпустили спектакли почти одновременно.

...Акт о сдаче в эксплуатацию хлебопека в небольшом поселке можно подписать, а можно не подписать. Председатель правления комбината Деятов вынужден категорически отказываться подписывать акт (неделный), в потом сам предлагает его подписать. Не торгуется — речь идет не о беспринципном человеке, а как раз наоборот: о человеке высшей принципиальности.

В этой разовой возмущительной прозе есть прямо противоположные действия — причина драмы главного героя пьесы диспетчера СМУ — Семхозстроец Ляни Шиндина.

Названная альтернатива, впадывая — не подписывать — составляет основу сюжета и интриги пьесы. Интрига в самом житейском смысле, ибо эта альтернатива дает противоборствующим силам возможность влиять интригой, поддвигаться под хорошего руководителя (на сцене мы его не увидим), а другим — свести этого начальника СМУ.

Итак, завод хлеб выпекает, но акт не подписан из-за незначительных «неделок». Времени, чтобы успеть заставить, уговорить, умолить членов комиссии его подписать, у Ляни Шиндина очень мало. Комиссия уже села в поезд и едет домой. Вместе с ней в поезд садятся сам Ляня и начальник отдела Малисов, неожиданно для Ляни в загоне оказывается и его жена. Комиссия, конечно, пока не знает, что ее сопровождает такой эсорт. Задача Ляни — познакомиться с

членами комиссии и добиться подписания акта.

Давно уже отмечено, что хорошая производственная пьеса — это, в сущности, пьеса о нравственных проблемах, о формах и средствах в достижении цели, а точнее — произведение о социальной нравственности.

Движение сюжета пьесы А. Гельмана построено так, что ведет нас вверх по шкале этих нравственных оценок. Мы несколько раз меняем свое мнение о моральных качествах Ляни Шиндина — усмехаемся, когда он притворится привычно «затыл» членов комиссии набором бутылок, брезгливо поморщившись, увидев его Ляня, изображая повод выпить, называет свою жену «служанкой» и придумывает ей день рождения, и лишь позднее поймем, что он честный и светлый человек, что действует он вполне бескорыстно.

Однако сначала ему нужно ознакомиться с членами комиссии. А. Калугин в МХАТе и А. МIRONOV в Театре сатиры придают действиям Ляни драматическую серьезность, не забываясь о возможности пошевелить публику изобретательностью героя, который провоцирует скандал с производящего Привлеченные шумом, члены комиссии выходят из купе, берут сторону Ляни и получают приглашение выпить по случаю дня рождения.

Малков как бы случайно разоблачает эту затею. Пришед в действие интрига противников Лениного начальника, Малисов против него, он — за пражного начальника, который теперь сидит выше и жандит сдать этого человека. Нужен лишь повод: хлебопека — повод достоянный.

А почему, собственно, нужно снимать нового начальника СМУ, ведь работает великолепно? Деятов хорошо, но так, что вынуждает плетую работу своего предшественника, который теперь ослепает за свой авторитет. История с актом о хлебопека приобретает уже несколько более важный смысл: мы всегда готовы «поволеть» за общего дело. Кстати сказать, это признак хорошей производственной пьесы — верность

зрителей в сопереживании делу, а не только персонажу. В момент предательства напористый и грубый Ляня — А. Калугин пожиме Боксера, получившего удар, Ляня — А. МIRONOV, увлеченный и доверчивый, ошеломлен безнаказанной наглостью врага, своим одиночеством. Честный рассказ обо всем неизвестному Деятов провозвучит у А. Калугина последний попыткой поправить дело, а у А. МIRONOV — последний исповедь.

Их разговор и последующие события на первом этапе возвращают зрителя к проблеме относительности нравственных оценок поступков людей, и вопросу о мере — истинной, абсолютной. Нельзя все учитывать и учитывать, возражает Деятов на призывы Ляни взять его внимание положение вещей, — можно и доучиваться. Но сам же Деятов через минуту будет вынужден кое-что учесть и подписать акт, «сравняв против своей неколебимой принципиальности».

Деятов поймет, что наивный Ляня бескорыстно защищает прекрасного руководителя, с уходом которого возторжествует вновь порочный метод в работе сельских строителей. И поймет Деятов до конца то, чего еще не понял Ляня — что оба они включены в одну игру, что

отсюда, плечет. Нет, говорит он, нет, кричит Ляня, нет...

Автор пьесы и режиссеры спектакля — О. Ермолов и Б. Радомирский в МХАТе, В. Плучек в Театре сатиры — дали героя от ведомости интриги к социальной драме. Не его вина, что он не смог победить, он сделал возможное и невозможное. Не мог он победить в этих обстоятельствах — это открылось ему поздно. Тоезд шел без него, в Художественном театре простая сценическая метафора подчеркивает эту мысль: «томный тепловоз» несколько раз с грохотом прорезает игровое пространство.

Герой А. Калугина осознал это полно и безнадёжно, окаянел в своей беде, герой А. МIRONOV недоумовно обратился к залу за нравственной поддержкой. Зал аплодисментами поддержал неповадших героя.

Пьеса обладает довольно жесткой внутренней конструкцией, сама позиция автора не предполагает слишком произвольных режиссерских вариаций и толкований, черное и белое поставлены тут в контрастном свете. Однако при этом очень важна мера истинности, которой придерживаются актеры. В спектакле Театра сатиры больше веры в подлинность этих людей, тут, точнее, приемы всякими, характер об-

Театр сатиры: Шиндин — А. МIRONOV, Деятов — Е. Евстигнеев. Фото И. АЛЕКСАНДРОВА, В. БОРДУКОВА

его принципиальности манипулируют: когда нужно — включают, не нужно — выключают.

Деятов подписывает акт и просит Мушкетера, члена комиссии, его подписать. Ляня торжествует победой, ведь осталось только получить подпись своего парня Семхозстроеца, третьего члена комиссии, который сбито пил коньяк, узяжал за женой Лени и обещал пропустить свою законичку, если подписывает «редедатель». Но этот человек — доверенное лицо, и ему было сказано не подписывать акт ни в каком случае. Ляня, фобозванный до последней черты у А. Калугина и доведенный до крайнего отчаяния у А. МIRONOV, силой пытается заставить Семхозстроеца подписать акт, но злирует его в купе и прозид не выпустить, если тут не подпишет. А поезд уже пришел на станцию, проволочек зовут милицию, открывают купе — оно пусто, Семхозстроец, членом протиснувшись в окно.

Тут понял Ляня до горького конца все, здесь рухнула его иллюзия, пожелавшая ему надеяться на победу и бытия. Акт не подписан. Милиция вводит ворытальники, ведь акт теперь же нужен.

Жена просит Ляню уехать

шени, стиль поведения. Семхозстроец в исполнении М. Деряжина, тихо наследующийся тщетными усилиями Лени, страшиве в своем душевном цинизме, нежели герой А. Губанова. Г. Меньшов в роли Деятова более значительна как личность, его драма острее, когда обнаруживается правда о нем, нежели импульсивный и недарный герой Е. Евстигнеева. Опыт воплощения производственной пьесы еще раз показал, что документальная точность в передаче бытовых черт, психологических состояний обеспечивает важный желательный эффект: достоверный, выразительный спектакль.

Пьеса «Мы, нижеподписавшиеся» реконструирует сложные жизненные, житейские коллизии, которые не предполагают однозначных решений и ответов.

Можно верить, что Деятов сумеет что-нибудь сделать, чтобы возмоставляла правда, может быть, сам Ляня Шиндин оправится от удара и ступит в борьбу, умудренный новым житейским и нравственным опытом. Оптимистический же смысл пьесы и спектакля в том, что даже ни поражение, если мы честно расскажем о его причинах, будет нашей общей нравственной победой.